
Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны

Валерий Суряев

Structure of the Russian officer corps on the eve of the First World War

Valery Suryayev (*The Research Institute of the Belarusian Armed Forces, Minsk;*
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Системное изучение общества и армии как его части вряд ли возможно без анализа проблем, связанных с «человеческим фактором». Одной из них являются межличностные и межгрупповые отношения в армейской среде, влияние которых на морально-психологическое состояние войск и их способность выполнять боевые задачи чрезвычайно велико. Изучение рассматриваемой темы весьма актуально сегодня, так как без воссоздания наиболее полной истории русской армии вряд ли будет успешным современное военное строительство Вооружённых сил России.

Проблематика данной статьи (социальные группы, входившие в русский офицерский корпус в начале XX столетия; факторы, влиявшие на межгрупповые отношения; разногласия, возникавшие в связи с неодинаковыми условиями прохождения службы; их воздействие на сплочённость корпуса офицеров) остаётся малоисследованной. И это несмотря на то что ещё в начале XX в. отдельные аспекты данной проблемы активно обсуждались в военной прессе, а также затрагивались в публицистической литературе¹. Однако какие-либо научные исследования в этом направлении не проводились.

Военная психология в начале XX в. находилась в зачаточном состоянии, социологические исследования в армии не проводились, соответственно, статистические данные и другая информация, касавшаяся взаимоотношений в офицерской среде, отсутствовала. В официальных документах, регулировавших жизнь и деятельность войск (военное законодательство, уставы, наставления, приказы командиров и начальников различного ранга и т.д.), столь тонкая материя, как человеческие взаимоотношения, не рассматривалась. В советское время проблемы истории русского офицерства не исследовались и практически не освещались даже в издававшихся в СССР мемуарах и воспоминаниях бывших военнослужащих русской армии².

© 2017 г. В.Н. Суряев

¹ *Мартынов Е.И.* Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906; *Галкин М.* Новый путь современного офицера. СПб., 1907; *Режепо П.* Офицерский вопрос в начале XX века // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 100–125; *Грулёв М.* В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908; *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное её состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908; и др.

² *Свечин А.* Искусство вождения полка: по опыту войны 1914–18 гг. В 2 т. М.; Л., 1930; *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). В 4 т. М., 1948–1949; *Кривицкий А.* Традиции русского офицерства. М., 1945; и др.

К сожалению, и в современных работах, посвящённых истории русского офицерства, вопросы взаимоотношений в офицерской среде практически не анализируются³. Возможно, в определённой мере это связано с тем, что круг источников по данной проблематике достаточно ограничен. В том или ином виде необходимые сведения содержатся лишь в материалах военной прессы, а также в источниках личного характера: книгах и брошюрах, написанных военными публицистами того времени, мемуарах, дневниках, письмах, воспоминаниях современников и т.д. Безусловно, подобные источники носят субъективный характер, но именно в них и сосредоточена уникальная информация по теме. Аналогичными являются труды, написанные представителями русской военной эмиграции⁴.

Косвенную помощь в изучении заявленных проблем могут оказать некоторые официальные документы, определявшие тогда порядок прохождения военной службы, например, книги V и VII «Свода военных постановлений 1869 г.», отчёты органов военного управления перед различными инстанциями, отдельные приказы по военному ведомству и т.д.

Дореволюционный корпус офицеров представлял собой социально-профессиональную общность, члены которой обладали неодинаковыми социальными статусами. В этой связи военный публицист начала XX в. В.В. Новицкий указывал, что офицерский корпус — это «весьма неоднородная, разношёрстная масса офицеров, расчленённая разнообразием служебных прав на целый ряд групп, сильно отличающихся друг от друга»⁵.

В основе отличий трёх основных групп офицеров (армейских, делившихся на подгруппы по родам оружия; гвардии; Генерального штаба) были престижность службы, перспективы карьеры, отношение «высшего света» к той или иной категории офицерства, нередко образование.

Численность офицерского состава русской армии в начале XX в. (за исключением периода Первой мировой войны) менялась незначительно и в среднем составляла чуть более 40 тыс. человек. Так, к 1 января 1907 г. в регулярных войсках служили 43 948 генералов, штаб-офицеров и обер-офицеров, к 1 января 1908 г. — 42 906 (в том числе около 2.3 тыс. генералов и офицеров пограничной стражи, в состав армии не входивших, но включавшихся Военным министерством в статистические данные)⁶. С учётом того, что, например, в 1911 г. насчитывалось несколько более 1 млн 175 тыс. нижних чинов⁷, это соответствовало потребностям армии.

---

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993; Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии... М., 2000. С. 285–299; Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010; Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914–1918 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Рязань, 2011; Култышев П.Г. Русская армия в Первой мировой войне: историко-антропологический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010; Загоруйко М.В. Российское офицерство в 1917 году (февраль–октябрь). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

⁴ Флуг В. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 283–319; Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. В 2 т. Париж, 1969–1970; Воронович Н. Всевидящее око: Из быта Русской армии. Нью-Йорк, 1951; Макаров Ю.В. Моя служба в Старой гвардии. 1905–1917: Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951; и др.

⁵ Новицкий В.Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб., 1909. С. 119.

⁶ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1907 год. СПб., 1909. С. 1.

⁷ Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. СПб., 1913. С. 55.

Подавляющее большинство офицерского корпуса составляли армейские офицеры, служившие в пехоте, кавалерии, артиллерии, инженерных и железнодорожных войсках. Их служебная деятельность была сопряжена со значительными психологическими и физическими нагрузками, а возможность карьерного роста — весьма ограниченной. Армейские части дислоцировались по всей стране, в том числе в отдалённых местностях Дальнего Востока и Сибири («медвежьих углах») и малоосвоенных районах Средней Азии и Кавказа. Данная группа офицеров не имела никаких привилегий и служебных преимуществ.

Иной была служба гвардейцев — небольшой части общего числа офицеров всех родов сухопутных войск. Например, численность офицеров гвардейских пехотных и стрелковых полков накануне Первой мировой войны составляла менее 5% от числа офицеров негвардейских пехотных, стрелковых и гренадерских полков⁸.

Гвардейские части дислоцировались в столицах, имели особую форму, были приближены к императорскому двору. «В петербургском обществе, — писал один из бывавших в России германских военачальников, — встречаешься только с офицерами гвардейских полков... армейский офицер не играет в обществе никакой роли... Выражение “армейский” имеет почти презрительный оттенок»⁹. Офицеры гвардии обладали официально установленными служебными привилегиями. Так, гвардейские обер-офицеры имели преимущество в один чин перед офицерами «всех прочих войск», т.е. подпоручик гвардии соответствовал армейскому поручику, поручик — штабс-капитану, штабс-капитан — капитану; в случае перевода гвардейского обер-офицера в любую армейскую часть ему присваивался следующий чин¹⁰.

В отличие от армии, где существовало два штаб-офицерских чина («подполковник» и «полковник»), в гвардии был только чин «полковник». В силу данного обстоятельства гвардейские капитаны, если они не выбыли из гвардейских частей до наступления срока производства в полковники, при переводе в армейские части сразу получали полковничье звание¹¹. Один из офицеров-гвардейцев вспоминал, что «действительной привилегией гвардии являлась военная карьера, обеспеченная каждому гвардейскому офицеру», и военнослужащие, одновременно окончившие одно и то же военное училище, «оказывались одни — в 34—36 лет полковниками, другие в 40—45 лет подполковниками». Далее он указывал, что каждый гвардейский полковник, хорошо зарекомендовавший себя на службе, становился командиром армейского полка, «тогда как только немногие армейские подполковники могли мечтать о таком высоком назначении»¹².

Этот мемуарист показал карьеру армейцев более оптимистично, чем в большинстве случаев происходило в действительности. Чаще всего, как свидетельствовала статистика, к 44—45 годам большинство армейских офицеров производились только в чин капитана при назначении на должность командира роты или эскадрона¹³. Чин подполковника и соответствующую должность

⁸ *Кавтарадзе А.Г.* Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 152.

⁹ *Базедов Г., фон.* Путевые впечатления о военной России / Пер. с нем. СПб., 1911. С. 10.

¹⁰ Свод военных постановлений 1869 года. Изд. 2. Кн. 7: Прохождение службы по военному ведомству (по 1 января 1907 года). СПб., 1907. С. 11, 99.

¹¹ *Новицкий В.Ф.* Указ. соч. С. 112.

¹² *Воронович Н.* Указ. соч. С. 59, 60.

¹³ *Бутков Ф.* Капитанский вопрос // Разведчик. 1903. № 670. С. 734.

получали меньшинство армейцев. Иными словами, в основном армейские офицеры заканчивали службу командирами рот или эскадронов (категория «капитан»), меньшая часть — командирами батальонов, батарей или кавалерийских дивизионов (категория «подполковник»). Вышестоящие должности и чины получали незначительное число армейских офицеров.

В 1913 г. выходцы из гвардии командовали 17% пехотных полков (57 частей), в то время как армейские офицеры (свыше 90% численности всех офицеров в пехоте) командовали лишь 34% пехотных полков (96 полков). Офицеры Генерального штаба (часть их — тоже выходцы из гвардии) составляли 30% полковых командиров (в 96 полках). Остальными пехотными полками (62 части) командовали лица, ранее служившие на административных должностях¹⁴.

По данным на 1901 г., в кавалерии офицеры гвардии составляли 48% полковых командиров, армейские — 27%. Должности командиров соединений (бригад, дивизий и корпусов) также занимали главным образом гвардейцы. К 1906 г. картина почти не изменилась¹⁵. Офицеры-гвардейцы продвигались по службе гораздо быстрее, чем армейцы. Статистические данные той поры показывают, что гвардейцы становились полковниками в среднем на 19-м году службы, армейцы — на 29-м¹⁶. В некоторых полках гвардейской кавалерии полковниками становились уже через 14–16 лет службы¹⁷.

Подобная ситуация во многом обуславливалась квотами, действовавшими в области назначения на старшие командные должности. Так, в 1901 г. были введены новые правила о назначении командиров отдельных частей в пехоте, кавалерии и инженерных войсках. Кандидаты вносились в соответствующий список высочайшим повелением, при этом при назначении на должности командиров полков должны были соблюдаться определённые пропорции. Например, в пехоте на одного гвардейского кандидата на должность полкового командира назначалось по два кандидата из Генерального штаба и по три — армейских. В кавалерии на одного кандидата из гвардейской кавалерии приходился один кандидат от Генерального штаба и два — от армейской кавалерии (Приказ по военному ведомству от 8 октября 1901 г. № 331)¹⁸.

Подобные пропорции, с учётом того, что количество армейских офицеров многократно превышало число офицеров гвардии и Генерального штаба вместе взятых, были явно несправедливыми. Получалось, что на 53 гвардейских пехотных батальона выделялась одна вакансия командира части (отдельного батальона или полка), а на 1 190 армейских батальонов — три, т.е. на одну вакансию в армейской очереди приходилось 397 человек, а в гвардейской — лишь 53¹⁹.

Впоследствии пропорции претерпевали некоторые изменения, но они не носили принципиального характера. Например, в 1914 г. установили следующую очерёдность назначения на должности командиров кавалерийских полков: одна кандидатура — от гвардии и по две — от Генерального штаба и армейской кавалерии²⁰.

¹⁴ М. Некоторые цифры административного засилья в строевой армии // Разведчик. 1914. № 1215. С. 107.

¹⁵ Залесский. Немного статистики // Там же. 1906. № 794–795. С. 31.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Новицкий В.Ф. Указ. соч. С. 112.

¹⁸ Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб., 1901. С. 862.

¹⁹ «Дельта». Гвардия // Разведчик. 1908. № 898. С. 20.

²⁰ Приказ по военному ведомству от 11 января 1914 года № 27 // Там же. 1914. № 1215. С. 97.

Лишь в армейской артиллерии преимущества гвардейцев проявлялись не столь заметно, особенно при назначении на должности командиров батарей: продвижение по службе в этом роде войск происходило быстрее, чем в пехоте и кавалерии. В то же время и в полевой артиллерии, как указывал современник, «очередь эта постоянно перебивается гвардейцами»²¹. Однако в гвардейской артиллерии привилегии проявлялись явственнее: в таких частях генерал в среднем был «моложе годами службы: на 18 лет старейших полковников полевой артиллерии, на 16 лет старших подполковников и на 1–2 года старейших капитанов»²².

В случаях, когда офицер гвардии назначался командовать частью в самой гвардии, это давало дополнительные преимущества: если в армии должность командира батальона соответствовала чину «подполковник», то в гвардии — «полковник», а в отдельных гвардейских стрелковых батальонах — «генерал-майор», хотя батальоны во всех случаях состояли из четырёх рот. Армейскими полками командовали полковники, гвардейскими — генерал-майоры, хотя, например, армейский кавалерийский полк был многочисленнее и сложнее по составу²³.

В течение долгого времени гвардейское офицерство традиционно состояло из потомственных дворян; в некоторых частях, как, например, в лейб-гвардии Преображенском и Кавалергардском полках, служили представители самых знатных дворянских родов России. Кроме того, в гвардии служили все великие князья, включая цесаревичей, а шефами гвардейских полков являлись члены императорской фамилии²⁴.

Все «лейб-гвардейские» части в своё время проявили выдающееся мужество и стойкость в боях с противником; в этой связи их и удостоили столь почётных наименований и привилегий. История гвардейских полков насчитывала по 150–200 лет, они были известны всей армии, служить в них было большой честью. Однако в армии считали, что несправедливо распространять отличия, «дарованные части за её боевые заслуги, тому личному составу, какой был в части в момент оказания ею боевых подвигов, и на последующие поколения личного состава офицеров»²⁵.

Гвардейцы имели преимущество даже перед генштабистами, тоже являвшимися особой категорией офицеров. Армейский капитан, закончивший академию Генерального штаба и причисленный к последнему, имел право только на ускоренное производство из капитанов в подполковники. Между тем получивший такое же образование гвардейский офицер продолжал пользоваться преимуществами, предоставлявшимися гвардии. Например, армейский офицер, окончивший академию в чине поручика, по выпуску производился в чин штабс-капитана, с которым и причислялся к Генеральному штабу. Гвардейский поручик, закончивший академию, по выпуску также производился в штабс-капитаны, но в случае перевода в армейские структуры — уже в капитаны. Так происходило потому что в случае такого перевода обер-офицеры гвардии сразу же получали следующий чин. «Из этого случая видно, — писал

²¹ Блюмер. Гвардия и интересы государственной обороны // Там же. 1912. № 1023. С. 339.

²² Егоров Е. Омоложение гвардии // Там же. 1909. № 960. С. 174.

²³ Залесский. Пора обратить внимание // Там же. 1905. № 787. С. 877.

²⁴ Императорская гвардия: Справочная книжка Императорской главной квартиры (по 1 мая 1910 года). Изд. 2. СПб., 1910. С. 5–210.

²⁵ «Дельта». Указ. соч. С. 21.

современник, — что гвардия считается выше Генерального штаба, офицеры Генерального штаба переводятся в армию тем же чином, а гвардейцы в Генеральный штаб с повышением на один чин»²⁶.

Вплоть до начала XX в. о переводе в гвардию того или иного армейского офицера могли ходатайствовать лишь командиры гвардейских полков (в случае наличия вакансии). В 1901 г. решение этого вопроса по формальным признакам было упрощено, так как и в гвардию, и в армейские части попадали выпускники одних и тех же училищ. В соответствии со специальным приказом армейские офицеры в чине от подпоручика (корнета) до капитана могли быть удостоены перевода в гвардейскую пехоту и гвардейскую кавалерию: для замещения вакансий, за отличия в мирное время и за боевые отличия. «Переводиться» в гвардейскую пехоту и кавалерию имели право армейские офицеры любого рода войск, в то же время в гвардейскую артиллерию и лейб-гвардии сапёрный батальон — только соответственно армейские артиллеристы и офицеры инженерных войск. Условия перевода в мирное время были достаточно сложными: в частности, большое значение придавалось военно-образовательному цензу, выдвигался ряд условий, касавшихся службы в армейских частях и т.д. Тем не менее официально существовала возможность перевода армейцев в гвардию (Приказ от 27 апреля 1901 г. № 166)²⁷.

Однако в реальной жизни нередко возникали трудности. Например, среди гвардейских офицеров сложилась традиция: поступить на службу в любой гвардейский полк можно было только «на основании голосования офицеров полка, извне на которое никто не мог повлиять»²⁸. Так, чтобы быть принятым в лейб-гвардии Егерский полк, «необходимо было получить не менее двух третей голосов “за” из числа офицеров», присутствовавших на общем собрании²⁹.

Именно согласие (или несогласие) офицеров полка на приём в их круг нового сослуживца являлось главным условием, определявшим его судьбу в гвардейской части. Так, в 1901 г. в один из гвардейских полков были направлены выпускники военных училищ, оказавшиеся выходцами не из дворянской среды. В полку, который дислоцировался в Варшаве, полковой адъютант вручил им заранее заготовленное письмо. В нём указывалось, что командир полка и общество офицеров не считают возможным принять их в свою среду. Выпускники пожаловались военному министру А.Н. Куропаткину, который в то время был в Варшаве. Однако тот ничего не смог сделать: на сторону гвардейцев встал главнокомандующий войсками гвардии, вел. кн. Владимир Александрович. В конце концов, выпускников направили в армейские части³⁰.

О царившем в гвардейской среде консерватизме свидетельствует и такой факт. В 1906 г. начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии был назначен человек незнатного происхождения, не имевший академического образования, — генерал-майор П.А. Лечицкий. Это назначение, писал современник, вызвало недовольство среди части гвардейских офицеров, считавших, что хотя

²⁶ Там же.

²⁷ Приказы по военному ведомству за 1901 год. С. 379–397.

²⁸ Врангель А.П. Генерал Врангель: доверие воспоминаний // Бароны Врангели. Воспоминания / Под общ. ред. В.А. Благово и С.А. Сапожникова. М., 2006. С. 311.

²⁹ Скорино Н. Лейб-гвардии Егерский полк: Очерки мирной жизни // Военная быль. 1966. № 81. С. 2.

³⁰ «Дельта». Указ. соч. С. 22.

он и герой Русско-японской войны 1904–1905 гг., но «гвардии по своим данным совершенно чуждый»³¹.

К чести гвардии, следует отметить: подобный подход касался не только происхождения и образования офицеров. Кн. В.С. Трубецкой, сам бывший лейб-гвардеец, характеризуя Преображенский и Кавалергардский полки, писал: «Это были действительно исключительные аристократические полки, куда принимали офицеров с особенным разбором. Носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями было ещё далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки... Случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были исключением»³².

В то же время, в самой гвардии происходили непростые процессы. Социально-политические и социально-экономические изменения, происходившие в стране, не могли не затронуть привилегированные воинские части. Например, служба в гвардии требовала больших расходов, которые не могли быть покрыты небольшим офицерским жалованьем. К началу XX в. значительная часть российского дворянства обеднела. Многие родители уже не могли обеспечивать «гвардейские» расходы своих сыновей.

В результате в некоторые гвардейские части, в нарушение традиций, стали попадать офицеры недворянского происхождения, имевшие, однако, обеспеченных родителей: «Так, в лейб-гвардии Кирасирском Его Величества полку (так называемые “жёлтые” кирасиры) в 1905 г. не было ни одного дворянина; очень много не дворян (по происхождению) было в лейб-гусарском полку. Это вторжение недворянского элемента в гвардию вызвало в определённой части гвардейского “родового” офицерства оппозиционное... настроение. В гвардии шло своеобразное “классовое” расслоение. Оно сказывалось и внутри полков, и в междуполковых отношениях... “Синие” кирасиры, сохранившие дворянский состав, искренне презирали “жёлтых”»³³.

Командир немецкого пехотного полка Г. фон Базедов, посетивший Россию в 1910 г., писал, что полки 2-й гвардейской дивизии «играют в общественном смысле... меньшую роль», чем полки 1-й гвардейской дивизии. Но даже полки 1-й гвардейской дивизии – Преображенский, Семёновский, Измайловский и Егерский – неодинаково оценивались в высшем обществе³⁴, т.е. в рядах самой гвардии неформально существовали категории офицеров, имевшие разный «вес» в глазах высшего общества и офицерской среды.

В официальных документах, регламентирующих вопросы прохождения офицерской службы, в том числе в гвардейских частях, проблема сословного происхождения не затрагивалась. Лучших выпускников военных училищ могли производить в подпоручики гвардейской пехоты, выпускников кавалерийского училища – в корнеты гвардейской кавалерии³⁵. Данное решение всё же отчасти было дискриминационным, так как имелись в виду только

³¹ В. Б.-к. Генерал Платон Алексеевич Лечицкий // Военная быль. 1965. № 72. С. 2.

³² Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. М., 1991. С. 15.

³³ Мстиславский С. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2(39). С. 18.

³⁴ Базедов Г., фон. Указ. соч. С. 11.

³⁵ Свод военных постановлений 1869 г. Изд. 3. Кн. 15. Заведения военно-учебные (по 1 января 1907 г.). СПб., 1907. С. 159.

Соотношение между ранеными, убитыми и попавшими в плен в различных категориях войск в годы Первой мировой войны (%)

Род войск	Кровавые потери	Пленные
Гвардия	91	9
Гренадерские части	78	22
Пехота (армейская)	65	35
Стрелковые части	82	18
Кавалерия	79	21
Пограничная стража	86	14
Артиллерия	56	44
Инженерные войска	77	23
Ополчение	42	58

Составлено по: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 163.

выпускники военных училищ, но не юнкерских. После преобразования последних в военные право перевода в гвардию получили «отличнейшие из первоурядных юнкеров», окончившие любое военное училище³⁶.

Справедливости ради отмечу, что близость к императорскому двору и высшему свету, а также шефство над полками особ императорской фамилии отнюдь не смягчали требования, предъявлявшиеся к гвардии как воинским частям. Напротив, от гвардейцев требовалось особо чёткое, по сравнению с другими полками, несение службы и первенство в боевой подготовке. Как правило, в этом гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия показывали прекрасные результаты: «Гвардейская пехота выбивала по стрельбе всегда “сверх отличного”, не отставала и находящаяся под бдительным оком генерал-инспектора артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича гвардейская артиллерия, как лёгкая, так и конная. За подготовкой же гвардейской кавалерии ещё со времён своего генерал-инспекторства зорко следил главнокомандующий — вел. кн. Николай Николаевич»³⁷.

Кроме того, из состава регулярной армии никто не сражался так доблестно, как гвардейцы. В числе прочего об этом свидетельствуют данные, приведённые участником Первой мировой войны генерал-лейтенантом Н.Н. Головиным (см. табл.).

Ещё одной социальной группой офицеров, чья служба считалась престижной, а карьерный рост происходил достаточно быстро, являлись генштабисты. Г. фон Базедов писал, что Генеральный штаб «представляет замкнутое в себе сословие. Кто одел его мундир — чёрный бархатный воротник с серебряным шитьём и серебряными аксельбантами... тот сохраняет его на всё время службы»³⁸.

Количество генштабистов было невелико: к 1 января 1908 г. — 708 (73 генерала, 434 штаб-офицера и 201 обер-офицер)³⁹, к 1 января 1911 г. — 659 (в центральных учреждениях — 113, в окружных управлениях и строевых штабах:

³⁶ ПСЗ-III. Т. 32. Отд. 1. Пг., 1915. № 36932. С. 323; Приказ по военному ведомству № 322 // Разведчик. 1911. № 1085. С. 506.

³⁷ *Марыняк А.* Погибнуть или победить: Быт и традиции Российской Императорской Гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 110.

³⁸ *Базедов, Г., фон.* Указ. соч. С. 9.

³⁹ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1907 год. С. 26.

генералов – 63, штаб-офицеров – 304 и обер-офицеров – 179 человек)⁴⁰. К осени 1917 г. насчитывалось около 1 350 офицеров Генерального штаба (из них около 500 генералов, 500 полковников и подполковников, 270 капитанов)⁴¹.

По свидетельству генерала А.И. Деникина, «для непривилегированного офицерства карьере можно было сделать» именно через Генштаб⁴². Для этого требовалось окончить Николаевскую академию Генерального штаба. До 1909 г. поступать в это учебное заведение могли обер-офицеры всех родов войск, до чина штабс-капитана армии и поручика гвардии включительно⁴³. Затем к приёму в уже Императорскую Николаевскую военную академию стали допускаться офицеры в чине до капитана гвардии и армии включительно, прослужившие не менее трёх лет в строевых частях⁴⁴.

Отбор в академию был чрезвычайно строгим. Для допуска к сдаче вступительных экзаменов требовалось сдать предварительные экзамены в штабах округов, цель которых заключалась в определении, способен ли тот или иной военный служащий учиться в этом высшем учебном заведении. Так, в 1911 г. предварительный экзамен в штабах округов сдавал 641 офицер, но к конкурсным экзаменам в академии были допущены только 295 человек. Выдержали вступительный экзамен в академию 147 человек, но приняли лишь 92 из них⁴⁵.

В академии был младший и старший классы, а также дополнительный курс. Окончившие два класса делились, в зависимости от успеваемости, на два разряда – первый и второй. Офицеры, окончившие два класса по первому разряду, переводились на дополнительный курс для подготовки по службе Генерального штаба, остальных отправляли в войска⁴⁶. Например, в 1903 г. два класса академии закончили 103 офицера, из которых 77 человек остались для продолжения учёбы, а 26, получивших второй разряд, были отправлены на прежние должности⁴⁷.

Служебная карьера офицеров, не переведённых на дополнительный курс, оставалась неопределённой, так как они, получив высшее военное образование, в списки офицеров Генерального штаба не вносились, т.е. оставались обычными армейскими офицерами (правда, некоторые преимущества при продвижении в штаб-офицерский чин они всё же имели).

Карьера тех, кто продолжал учёбу, была иной. По окончании дополнительного курса эти офицеры получали право на причисление к Генеральному штабу, а через некоторое время – на зачисление в него. Иными словами, они попадали в особую группу офицеров, которые, имея высшее военное образование, получали преимущественное право продвижения по службе. Генерального штаба генерал-майор Б.В. Геруа в этой связи писал: «Офицер... зачисленный в Генеральный штаб, попадал в верную служебную колею с ускоренным

⁴⁰ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1910 год. СПб., 1912. С. 13.

⁴¹ *Спирин Л. В.И.* Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 12.

⁴² *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 67.

⁴³ Свод военных постановлений 1869 года. Изд. 3. Кн. 15. С. 18.

⁴⁴ Приказ по Военному ведомству 1909 года № 311 // Разведчик. 1909. № 982. С. 479.

⁴⁵ Хроника // Там же. 1911. № 1095. С. 663; *М.Ц.* О предварительных испытаниях при поступлении в Николаевскую военную академию // Там же. 1910. № 1036. С. 540.

⁴⁶ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 67.

⁴⁷ Заметки // Разведчик. 1903. № 681. С. 982.

и регулярным производством и на лестницу назначений, приводивших его к заветному генеральству в кратчайший срок»⁴⁸.

По выпуску из академии офицеры на два года командировались в войска (для выполнения строевого ценза, т.е. командования ротами или эскадронами)⁴⁹, после чего зачислялись в корпус офицеров Генерального штаба. В этом качестве они служили в штабах дивизий, корпусов, округов, а также управлениях Военного министерства. Прослужив 12–13 лет в этих структурах, генштабисты возвращались в строевые части, где назначались командирами полков. Предварительно на четыре месяца они прикомандировывались в строевые части для отбытия нового ценза — командования батальоном в пехоте или дивизионом — в кавалерии. Армейские офицеры в прессе неоднократно высказывали мнение о неправильности такого подхода, считая, что двух лет командования ротой (эскадронами) и четырёх месяцев — батальоном (кавалерийским дивизионом) было совершенно недостаточно для назначения на должность командира полка. Тем более что через относительно небольшой срок такой офицер Генштаба мог получить должность командира бригады и чин генерала⁵⁰.

В обиходе строевые армейские офицеры называли таких назначенцев из штабов «пришлым элементом», причём число подобных назначений в мирное время было весьма заметным: «Если среди подполковников армейской пехоты пришлый элемент в 1912 г. составлял 9%, то уже среди полковников — старших штаб-офицеров таковых было 23%. Среди командиров полков... пришлый элемент составлял 38%, а среди бригадных командиров... 59%»⁵¹.

Однако считаю, что служебный рост этой категории офицерского состава нередко был оправданным. В академию Генерального штаба попадали наиболее способные офицеры, получавшие за годы учёбы глубокие и разносторонние знания. Также следует отметить, что окончившие Михайловскую артиллерийскую и Николаевскую инженерную академии офицеры в своих родах войск при прохождении службы пользовались теми же правами и преимуществами, что и выпускники Николаевской военной академии (бывшей академии Генерального штаба)⁵². Однако к корпусу офицеров Генштаба они не принадлежали.

Неравные условия прохождения службы оказывали негативное влияние на взаимоотношения между офицерами, принадлежавшими к различным группам. «С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе — привилегий, тормозивших сильно и без того нелёгкое служебное движение армейского офицерства. Явная несправедливость такого положения, обоснованного на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была большим местом армейской жизни»⁵³, — писал Деникин.

У большинства армейцев на фоне их служебной бесперспективности привилегии гвардейских офицеров вызывали раздражение и неприязнь. Каких-либо социологических опросов в то время не проводилось, но негативные настроения по этому поводу среди армейцев были распространены достаточно широко.

⁴⁸ Геруа Б.В. Указ. соч. Т. 1. С. 149.

⁴⁹ Свод военных постановлений 1869 г. Изд. 3. Кн. 15. С. 35.

⁵⁰ О.Г.Ш. Генеральный штаб и строй // Разведчик. 1913. № 1206. С. 764–766.

⁵¹ Морозов Н. Необходимая мера для улучшения штаб-офицерского состава армии // Там же. № 1199. С. 651.

⁵² Свод военных постановлений 1869 г. Изд. 3. Кн. 15. С. 31.

⁵³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921. С. 14–15.

Об этом свидетельствует масса вышедших тогда в военной прессе статей, посвящённых проблеме привилегий. Понимая пагубное влияние этого явления на морально-психологический климат в офицерской среде, против привилегированного положения гвардии высказывались как рядовые офицеры, так и представители армейского генералитета. Иногда в печати делались довольно резкие заявления: «Армия безмолвствует, но в душе она глубоко оскорблена существованием гвардейских привилегий»⁵⁴. Однако положение не менялось.

Аналогичная ситуация сложилась в отношениях между армейцами и генштабистами (несмотря на то что служебные преимущества последних во многом обуславливались их образованием и личными качествами). Один из принадлежавших к этой группе генералов отмечал: «В строю не любили офицеров Генерального штаба. Помимо ревности, вызываемой быстротой и блеском их карьеры, в толще армии сравнивали этих “счастливых” с учёными офицерами в других специальностях, например в артиллерии и в инженерных войсках. Преимущества у этих академиков тоже были, но умереннее, и учёные артиллеристы и военные инженеры не бросались в глаза как каста»⁵⁵.

Представляется, что данное явление вызывалось обычными человеческими слабостями. Когда имевший высшее военное образование, но сравнительно молодой генштабист становился командиром части, это казалось несправедливым ротному или батальонному командиру, много лет «тянувшему армейскую лямку».

Устранить служебные преимущества гвардейцев и генштабистов не представлялось возможным. Особенно в отношении последних, так как «все должности, с высот которых должна была исходить инициатива» таких изменений, «были заняты неизменно представителями этой касты-недотроги»⁵⁶. Что же касается гвардии, то в её рядах числились представители императорской фамилии, поэтому вопрос о лишении гвардейцев привилегий мог только дебатироваться.

В кругах собственно армейского офицерства, писал современник, тоже существовала «некоторая рознь между родами оружия — явление старое и свойственное всем армиям... Полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; конная артиллерия сторонилась полевой и жалась к кавалерии; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и считала себя обойдённой вниманием и власти, и общества»⁵⁷. Один офицер, характеризуя отношения между профессиональными группами офицеров-армейцев, называл их «профессиональной рознью», соперничеством за звание лучшего рода войск⁵⁸.

В рядах армейцев выделялись две подгруппы — пехотные офицеры и офицеры других родов войск, между которыми и наблюдалось недопонимание. По мнению некоторых военных публицистов начала XX в., первая причина этого заключалась в «гордости или... самомнении, с одной стороны, и... зависти... с другой»⁵⁹, т.е. имелись в виду обычные недостатки человеческой природы, присущие большинству людей.

⁵⁴ «Дельта». Указ. соч. С. 24.

⁵⁵ Геруа Б.В. Указ. соч. Т. 1. С. 150.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 61.

⁵⁸ Фисенков. Из быта кадетских корпусов // Разведчик. 1906. № 836. С. 793.

⁵⁹ С-ов С.П. К вопросу об антагонизме // Там же. 1912. № 1115. С. 178.

Офицеры технических родов войск обладали более высоким уровнем образования, нежели пехотинцы. Так, в инженерное и артиллерийские училища принимались лица, имевшие только законченное среднее образование. Собственно военная специальность в этих учебных заведениях изучалась три года, а не два, как в пехотных училищах. Кроме того, многие офицеры-артиллеристы и офицеры инженерных войск получили высшее образование в соответствующих академиях. Между тем даже после преобразования двухгодичных юнкерских пехотных училищ в трёхклассные военные училища часть поступавших абитуриентов имела пониженный уровень общего среднего образования, и для его завершения использовался «лишний» учебный год. Разница в образовании служила иной раз поводом к тому, что часть офицеров технических родов войск считали себя «выше» пехотных офицеров.

В 1911 г. общее среднее образование среди обер-офицеров имели: в пехоте — 50.87%, кавалерии — 81.57, артиллерии — 98.41, инженерных войсках — 97.94%. Военное образование обер-офицеров характеризовалось следующим образом. В инженерных войсках и артиллерии почти все офицеры окончили военные училища, лишь 2.82% (в артиллерии) и 2.27% (в инженерных войсках) имели за плечами юнкерские училища. В пехоте же последние окончили 64.82% обер-офицеров, в кавалерии — 36.48%⁶⁰. Таким образом, наименее образованной частью обер-офицеров являлись пехотные офицеры.

Большинство штаб-офицеров в пехоте (59.22%) и кавалерии (50.28%) также окончили юнкерские училища. В артиллерии и инженерных войсках это число было гораздо меньше: соответственно 2.52 и 4.2%. В то же время, количество штаб-офицеров, имевших академическое образование, в пехоте было даже больше (11.95%), чем в артиллерии (8.68%). В кавалерии их насчитывалось 12.72%, в инженерных войсках — 15.53%⁶¹.

Второй и главной причиной, вызывавшей в мирное время некоторые трения между армейскими офицерами, называлась «разница в самой службе офицера того или иного рода оружия»⁶². Военная пресса отмечала, что пехотные офицеры несли на себе исключительный по тяжести труд, незнакомый офицерам других родов оружия. Если в кавалерии и артиллерии ставились задачи, где принимались «во внимание лошадь, сбережение её сил и здоровья», то в пехоте — «свободные от каких бы то ни было соображений, кроме тактических». Служба в пехоте по внешним признакам описывалась так: пехотный офицер шёл десятки вёрст «в пропотевшем насквозь кителе и фуражке, с лицом, покрытым пылью.., пехотный офицер... не может своей внешностью импонировать, кому бы то ни было, и в этом первое, резко бросающееся, отличие его от офицеров остальных родов оружия»⁶³.

Находившийся в войну 1904–1905 гг. в русских войсках австрийский военный корреспондент отмечал, что пехотные офицеры выражают недовольство своей службой, жалуются на судьбу и критикуют начальство. В свою очередь, русский публицист подчеркнул наблюдательность австрийца и указал, что «черты, схваченные им, хотя и поверхностны, но характерны»⁶⁴.

⁶⁰ Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. С. 176.

⁶¹ Там же.

⁶² *С-ов С.П.* Указ. соч. С. 178.

⁶³ Там же. С. 179.

⁶⁴ Там же.

Несмотря на происходившее в начале XX в. во всех европейских армиях активное развитие специальных (технических) родов войск, основным из них оставалась пехота. В русской армии она также являлась главным по значению и наибольшим по численности родом войск, обладавшим решающей мощью за счёт пулемётов и магазинного индивидуального оружия. В уставных документах отмечалось: «Главная роль в бою принадлежит пехоте; прочие роды войск должны всеми мерами содействовать ей в достижении боевых целей»⁶⁵.

Согласно всеподданнейшему отчёту Военного министерства за 1907 г., в «пехоте, главной силе войск», служило 72.07% личного состава всех родов оружия⁶⁶. Именно она, решая основные боевые задачи, несла самые тяжёлые потери в ходе военных действий. Так было и в Русско-японскую, и в Первую мировую войны, когда убыль офицеров в пехоте многократно превышала этот показатель в артиллерии, кавалерии и инженерных войсках. Тем не менее как в обществе, так и среди офицеров других родов оружия служба в пехоте престижной не считалась. Как писал один из русских генералов, «в армии и обществе по традиции принято считать службу и сред у артиллерии и инженерных войск выше и чище, нежели в пехоте»⁶⁷.

Иностранные военнослужащие тоже отмечали, что кавалеристы, офицеры артиллерийских и инженерных частей пользовались бóльшим уважением, чем пехотинцы⁶⁸. В особом почёте были военные лётчики (в ноябре 1910 г. была открыта офицерская школа авиации в Севастополе, в ноябре 1911 г. состоялся её первый выпуск)⁶⁹.

Таким образом, признавался современник, «разница в службе, в степени затраты сил при неодинаковом положении в глазах общества, даёт одной стороне право на некоторую гордость, а другой — на чувство, близкое к досаде, зависти и недовольству; отсюда — то, что мы называем антагонизмом»⁷⁰.

Определённое отчуждение существовало также между кавалеристами и представителями технических родов войск. В этой связи генерал М.И. Драгомиров писал: «К несчастью, оно существует в равной мере и между офицерами разных родов оружия: едва ли... например, много кавалерийских офицеров, которые водили бы компанию с... артиллерийскими и сапёрными, — и наоборот»⁷¹. По его мнению, это было вызвано тем, что кавалеристы свысока относились ко всем остальным родам оружия.

В целом считалось, что для офицерской среды был характерен недостаток корпоративного духа. Генерал русской армии Я.В. Червинка (чех по национальности, перешедший на службу в Россию из австро-венгерской армии), проанализировав отношения офицеров в германской и русской армиях, пришёл к выводу, что вопрос «общего корпоративного сближения» являлся «самым характерным различием заграничного и нашего корпусов офицеров». Он указывал, что в среде русского офицерства существовала «сравнительная разрозненность», когда даже офицеров одного полка связывали «только служебные

⁶⁵ Наставление для действий пехоты в бою. Высочайше утверждено 27 февраля 1914 года. Киев, 1916. С. 3.

⁶⁶ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1907 год. С. 3.

⁶⁷ Парский Д. Указ. соч. С. 46.

⁶⁸ Базедов Г., фон. Указ. соч. С. 10.

⁶⁹ Заметки // Разведчик. 1912. № 1121. С. 269.

⁷⁰ С-ов С.П. Указ. соч. С. 179.

⁷¹ Драгомиров М. Одиннадцать лет. 1895—1905 гг. В 2 т. Т. 2. СПб., 1909. С. 405.

обязанности и уставные требования», и оказывались «нередко обособлены духом даже полки одних и тех же бригад, дивизий»⁷².

Аналогичным образом рассуждал генерал-майор А.В. Туркул: «Были офицеры, доблестные и жертвенные, но корпуса офицеров в России не было, был лишь офицерский состав». Ему вторил полковник Д. Хитров, говоривший об «отсутствии корпоративного единства» в этой среде. После Гражданской войны в России представители военной эмиграции констатировали, что «в прежней русской армии, в сущности говоря, не было офицерской корпорации, и каждый офицер жил лишь узкими интересами своей части»⁷³.

Военный писатель полковник А.М. Дмитриевский, рассуждая об отсутствии солидарности среди российского офицерства, отмечал: «Всё более и более говорят вместо “я – русский офицер”: “я – гвардеец”, “я – кавалерист”, “я – артиллерист”, “я – гусар, улан, кирасир”». Получалось, что «офицеры – не строители одной армии... а как будто просто представители разных специальностей, разных даже служб, полков, обязанные солидарностью только со своими однополчанами»⁷⁴.

Однако, анализируя взаимоотношения между различными группами офицеров, нельзя оставить без внимания следующее обстоятельство: негативный оттенок, им присущий, был характерен для мирного времени. В экстремальной обстановке, каковой являлась война, ситуация менялась. Анализ военной прессы тех лет показывает, что если в довоенный период письма и статьи армейских офицеров, обращавших внимание на ненормальность существовавшего положения, публиковались постоянно, то с началом боевых действий как в 1904–1905, так и в 1914–1917 гг. данная проблема не поднималась. Деникин, например, неоднократно выступавший против служебных привилегий гвардии, указывал: «Рознь эта... существовала лишь в мирное время. С началом войны – так было и в японскую, и в Первую мировую – она исчезала совершенно»⁷⁵.

Сами гвардейские офицеры также отмечали данное обстоятельство. «Я не хочу скрывать антагонизма, существовавшего до Первой мировой войны между гвардией и армией... до войны армейцы завидовали гвардейцам и недолюбливали их»⁷⁶, – вспоминал в эмиграции бывший гвардеец, указав, однако, что во время войны положение вещей изменилось. Подобный феномен вполне объясним: общность целей, которых можно было достичь только совместными усилиями, необходимость взаимодействия в бою всех родов войск, от чего в решающей мере зависели как выполнение боевой задачи, так и жизнь самих военнослужащих, отодвигали все второстепенные проблемы. Кроме того, в боевой обстановке продвижение по службе во многом уравнивалось ввиду ускоренного чинопроизводства военного времени, а также возможности продвигаться по служебной лестнице за боевые отличия.

Взаимоотношения в масштабах достаточно многочисленной социально-профессиональной общности вряд ли могли быть только негативными и носить сугубо линейный характер. Представляется, что им было присуще

---

⁷² Червинка Я. Военная карьера у нас и за границей // Офицерский корпус русской армии... С. 182, 183.

⁷³ Цит. по: Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской эмиграции // Там же. С. 494, 495.

⁷⁴ Дмитриевский А. Идеал офицера // Там же. С. 381.

⁷⁵ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 61.

⁷⁶ Воронович Н. Указ. соч. С. 59.

многообразии, как и всему, что связано с психологией людей. Иными словами, межгрупповые и межличностные отношения характеризовались не только отрицательными, но и положительными явлениями. Так, важной особенностью офицерской среды являлось отсутствие конфликтов и противоречий по национальному признаку. Как вспоминал Деникин, «в русской армии национальные перегородки в офицерской, да и в солдатской среде, стирались совершенно»⁷⁷.

Военно-статистические документы тех лет показывают, что подавляющая часть всех офицеров была представлена русскими (но были ещё поляки, немцы, литовцы, латыши, эстонцы, кавказцы и др.). Ведь именно русские составляли большинство населения страны (наряду с великороссами к ним относили белорусов и малороссов). В 1910 г. из 40 898 офицеров русскими были 35 080 человек (85,8%)⁷⁸.

Каких-либо противоречий по религиозному признаку среди командного состава современники не отмечали. Большинство офицеров и генералов были православными (среди генералов – 85,41%, штаб-офицеров – 87,5%, обер-офицеров – 88,43%). Остальные являлись католиками, протестантами, мусульманами, незначительное число офицеров исповедовали другие религии⁷⁹. Принадлежность к той или иной нации или религии никак не влияла на карьеру и службу офицеров. Исключение составляли евреи, исповедовавшие иудаизм: они не могли проходить военную службу в качестве офицеров. Что касается принявших христианство евреев, то в отношении них какие-либо ограничения отсутствовали.

Таким образом, русское офицерство начала XX в. представляло собой сложный социальный конгломерат, включавший несколько различных групп и подгрупп военнослужащих. Неравенство социального статуса и перспектив карьеры вызывало недовольство в среде армейских офицеров, приводило к скрытой напряжённости во взаимоотношениях с офицерами гвардии и Генерального штаба. В основе этих негативных явлений лежал официально установленный порядок прохождения службы.

В этой связи считаю, что социально-профессиональная неоднородность офицерства могла повлиять на его отношение к Великой российской революции 1917 г. Кадровое офицерство, в массе своей настроенное патриотично и консервативно, равно как и часть офицерства военного времени, в феврале 1917 г. сдержанно восприняли перемены в стране и не встали на защиту монархии. Безусловно, причин тому множество, но среди них определённую роль сыграли и рассмотренные в статье обстоятельства. В октябре 1917 г. и развернувшейся впоследствии Гражданской войне на стороне новой власти оказалась значительная часть офицеров, причём этому (наряду с другими факторами) могла способствовать их принадлежность к той или иной социальной группе офицерского корпуса.

В то же время необходимо отметить, что негативный оттенок во взаимоотношениях различных групп кадрового офицерства, существовавший в мирное время, не влиял на боеспособность войск. По мнению ведущих отечественных и зарубежных специалистов, регулярная русская армия образца 1914 г. была подготовлена к ведению войны на уровне требований того времени. На должной высоте находился и её морально-психологический потенциал.

---

⁷⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 216.

⁷⁸ Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. СПб., 1911. С. 172–173.

⁷⁹ Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914. С. 242–243.